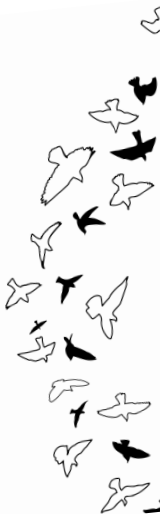
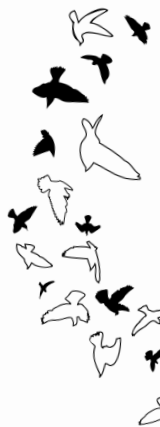

Ларисе Забелло — за всю ее теплоту и искренность

Все события и действия — вымышлены

Пролог

Утреннее солнце было ярким, по-летнему дерзким, несмотря на осеннюю пору. Оно било в окно, закрытое жалюзи, однако было не в силах попасть в полутемную комнату — лишь несколько острых, тонких лучей смогли пробиться внутрь и, дрожа, играли на стене да серебрили воду в графине. Еще один луч падал на обнаженную загорелую ногу лежащей на широкой кровати девушки. Многие бы сочли ее красивой — стройная, гибкая, грациозная, с правильными чертами лица и женственными формами, однако высокомерное выражение, застывшее в карих глазах, портило все впечатление.

Таких, как она, не любили.

Таких, как она, называли стервами.

По крайней мере, Алина сама так думала. А цену себе она знала.

— Чего больше всего на свете боится твой брат? — спросила задумчиво девушка и перевернулась на живот, укрываясь сатиновой простыней цвета темного шоколада. В руке ее был телефон с золотистым корпусом. Глядя в него, она отчего-то улыбалась — как будто затеяла что-то.

Лежащий рядом с ней молодой человек, разглядывающий потолок, рассерженно сощурился. Говорить об этом ему не хотелось. Хотелось курить, но при Алине он не мог этого делать. Да и не следовало вспоминать старую детскую привычку.

— Может быть, стоит спросить у него? — поинтересовался он.

— Я интересуюсь у тебя, Кирилл.

— Откуда я знаю, чего боится этот клоун? Потерять славу, группу, свою девчонку, в конце концов. — Кирилл машинально потер щеку, по которой эта самая девчонка когда-то его ударила. И отметил про себя, что стоит побриться.

— А как думаешь, что бы он выбрал? — задумчиво спросила Алина, водя тонким пальцем с длинным бордовым ногтем по его обнаженному плечу. — Любовь или музыку?

— Я тебя не понимаю, — нахмурился Кирилл. Близость девушки опьяняла.

— Ты не должен понимать меня. Ты должен понимать его, — промурлыкала Алина и потерлась головой о его предплечье, как большая дикая кошка. Кирилл едва заметно вздрогнул. Чем больше он находился рядом с Алиной, тем сильнее привязывался к ней. И она словно это чувствовала — понимала, что имеет над ним власть. Как когда-то над Антоном.

— Если бы ты оказался на его месте, — продолжала черноволосая девушка, — что бы тебе страшнее было потерять? Любимую девушку или цель жизни?

— Не знаю.

— Подумай.

— Что за глупости ты спрашиваешь? — поморщился Кирилл.

— Это не глупости...

Алина привстала и, опираясь рукой о подушку, склонилась над Кириллом — так, что ее длинные черные волосы упали ему на грудь.

— Ответ. Любовь или карьера? — прошептала она.

Их лица были напротив друг друга. Над головами дрожали острые, как лезвия, лучи.

— Ты, — хрипло ответил Кирилл и потянулся к Алине, чтобы поцеловать.

Она разрешила. И поцелуй вышел медленным, глубоким, чувственным — как изящная пытка.

Но едва только Кирилл попытался обнять девушку, она оттолкнула его и легко вскочила с кровати.

— Ты мне надоел, — объявила Алина и, ничего больше не объясняя, отправилась в ванную комнату, которая в снимаемом ими двоими номере гостиницы была шикарной. Лесковой нравилось нежиться в пене и пить вино. Или текилу — насмешливая дань отношениям с Антоном. А Кириллу... Кириллу просто нравилось смотреть на нее. Быть рядом с ней.

— Надеюсь, ты уйдешь до моего прихода, — сказала девушка напоследок и скрылась за дверь. Тотчас послышался шум воды.

— Пошла ты.

Кирилл рывком встал и с досадой ударил кулаком по стене. Он любил Лескову — любовью болезненной, не всегда оправданной, той самой, которая есть «вопреки»: вопреки ее характеру, вопреки ее чувствам к его собственному брату,

вопреки обстоятельствам. Однако Алина вела себя так, словно хотела специально унижить Кирилла, лишний раз показать ему превосходство Антона. А может быть, она просто отыгрывалась на нем за ту боль, которую доставил ей его брат. Они ведь очень похожи. Близнецы. Не одно лицо, но изредка Кирилла путали с его знаменитым братом какие-то малолетние фанаты, и это его и бесило, и оскорбляло.

Кирилл надел брюки, накинул рубашку, стал застегивать пуговицы.

Алину стоило поставить на место, но он малодушно не мог этого сделать. И знал, что вскоре его злость пройдет, и стоит ей через день или два позвать его вновь, как он придет. Скрепя зубами, но вернется в ее объятия.

Что выберет этот надменный псих? Любовь или музыку? Да ему-то откуда знать?! От брата Кирилл привык ожидать всего самого неожиданного. Антон с детства был таким — странным, отличающимся от других. Сначала — спокойный, серьезный, замкнутый, весь в себе и своем плавании. Кирилл в отличие от близнеца не любил бассейн, да и вообще больше любил смотреть мультики или рубиться в игры, а этот и учился хорошо, и получал награды и медали за плавание, и мать им гордилась куда больше. Тогда, в далеком детстве, Кирилл, ужасно ревнуя Антона к матери, старался как мог заработать ее похвалу и со временем понял, что хорошо учиться или быть первым в какой-то области — не главное. Главное — радовать маму. Он научился закладывать и подставлять Антона (тот этого заслуживал!), иногда даже сам провоцировал. И для матери — женщины властной — становился все более хорошим мальчиком. А потом Антон взбунтовался — после того, как мать решила, что бассейн ему не нужен и пловца со всемирной известностью из него, скорее всего, не получится. Нет, тренеры говорили, что у Антона может быть хорошее будущее и карьера спортсмена возможно очень удачная, но мать решила иначе. Ее дети должны быть обеспечены и ни в чем не знать нужды, и для этого они продолжают семейный бизнес. Кирилл выбору матери не сопротивлялся, хотя его куда больше увлекала история и археология, нежели экономические и юридические науки. Однако он понимал уже тогда — денег его увлечение, стоит ему перерасти из хобби в работу, принесет мало. И подчинился воле матери — выучился в престижном университете и возглавил один из филиалов компании, который она ему доверила. Антон же принялся бунтовать. И, казалось бы, его подростковый бунт затянулся до сих пор — он занимался музыкой и играл в рок-группе, на удивление Кирилла став знаменитым.

Кирилл презирал брата и втайне завидовал.

Его тяжелые мысли прервал писк телефона, лежащего на прикроватной тумбочке. Молодой человек взял телефон.

Дина. Его невеста. Девчонка, которая должна была забрать его свободу. Кирилл был уверен, что брак по расчету — то, что необходимо, однако прекрасно осознавал, что жить вместе с этой девчонкой, которая была младше его, он не сможет.

«Привет. Не могу до тебя дозвониться, — писала она. — Мои родители хотят познакомить тебя с нашими родственниками. Приедешь?»

Она знала, что он в родном городе, знала про Алину, знала про их встречи. Прилетала даже, следила — пришлось отправить ее домой. И скорее всего, это был всего лишь предлог, чтобы увидеться. Знакомиться с родственниками Дины Кириллу не очень-то и хотелось. Все эти официальные церемонии его раздражали. К тому же ему хватило ее дяди и брата. Неприятные личности.

«Перезвоню вечером. Занят, на встрече», — ответил коротко Кирилл. И тотчас получил новое сообщение — как будто бы Дина ждала его ответ, не отходя от телефона.

«Да, конечно, я буду ждать. Хорошего тебе дня!»

Тишину номера нарушили вновь — уже телефон Алины, оставленный ею на коричневых простынях. Однако Кирилл к нему даже подходить не стал — знал, что тот на пароле.

Телефон настойчиво играл, и если бы молодой человек все-таки подошел к нему, то увидел, что на экране высвечивается имя и фамилия его матери. Но он, игнорируя звонок, подошел к высокому напольному зеркалу, в котором отражался во весь рост, и внимательно посмотрел на себя.

Высок, в меру мужественен, красив, опрятен. Одет стильно. Не имеет ни татуировок, ни проколов в ушах или на лице. Классическая короткая стрижка. Ничем не хуже брата. Напротив — лучше. Единственное — нужно побриться, но ванная комната занята Алиной, а на нее он сейчас зол. И действительно уйдет до того, как она появится в номере — в белом махровом халате с запахом, свежая, пахнущая кокосовым гелем для душа, с влажными волосами и капельками воды на шее и лице. Едва только представив эту картину, Кирилл заторопился. Пусть от Лесковой он уйдет злой. Пусть позлиться на нее хотя бы немного.

Алина стала второй женщиной, чье внимание братья Тропинины не поделили.

Напоследок, прежде чем накинуть пальто и уйти, Кирилл резким движением открыл жалюзи. Комнату залило солнечным светом.

* * *

Я не верила, что умею так любить: с такой силой, нежностью и отдачей, и два дня и три ночи в отеле вместе с любимым человеком подарили мне много открытий. Мне хватало просто лишь смотреть на Антона — и от этого я чувствовала себя счастливой: цельной и нужной. И в его взгляде я ловила те же самые чувства. Я знала, что он любит меня, а я — его. И это придавало сил и даровало надежду на прекрасное будущее. Совместное будущее. Яркое, как солнце. Притягивающее, как звезды. Романтичное, как луна.

В любое время я могла подойти к Антону и обнять, поцеловать, заявить миру, что он — мой. Я говорила ему о любви, хоть мне и было непривычно признаваться в этом — я словно стеснялась своих чувств. Но еще более непривычно было слышать о любви от Антона. О ней он говорил скупо — подозреваю, что и для него подобные вещи после расставания с Лесковой были в новинку. Да и во время отношений с ней — первых и хрупких, как я поняла, говорили они о своих чувствах мало. А то и вовсе не говорили.

Однажды я спросила Антона, сидя у него на коленях на балконе, с которого открывался шикарный вид на столицу, кого он сильнее любит — меня или ее?

Зачем спросила, я и сама не знаю — вспомнила вдруг, глядя на полупрозрачное голубое небо, о ней. И захотела узнать.

— Зачем нам говорить о прошлом? — пожал плечами Антон. Из его рта вырывался пар — на улице царил прохлад, но сидеть, прижимаясь к нему, было тепло.

— Мне интересно — насколько я проигрываю, — ответила я, с нежностью глядя в его лицо.

Он просто покачал головой. И хоть лицо его оставалось серьезным, в серых глазах появилась улыбка.

— Что это значит? — осторожно спросила я.

— Катя. Ты любишь свое прошлое? — издали начал Антон.

— В смысле? — не поняла я. Умеет он перевернуть все с ног на голову!

— Ответь.

Его голос звучал мягко, но настойчиво.

— Что-то люблю, что-то — нет, даже вспоминать не хочу, — задумчиво отозвалась я, пытаюсь быть честной и с ним, и с собой. — Наверное, лучше сказать так — я ценю прошлое.

— А хочешь вернуться в него? — продолжал выпытывать Антон, неотрывно глядя мне в глаза и осторожно глядя по щеке одной рукой, а второй — придерживая за талию.

— Нет, — твердо сказала я. Мое настоящее нравилось мне куда больше, чем прошлое. — Точно нет.

— Так и я. Не хочу туда возвращаться. Давай жить настоящим, — сказал он. Его взгляд опустился ниже, следом за пальцами, которые со щеки переместились на шею, потом — на ключицы, после неспешно залезли под вырез теплой кофты, заставляя меня слегка прикусить от неожиданных ощущений губу.

...А казалось бы — всего лишь мягкие прикосновения...

Я запустила руку в его волосы и мимоходом поцеловала в висок.

Антон Тропинин, когда ты успел стать для меня таким родным?..

Не убирая пальцев, он так и смотрел мне в лицо, словно читая меня по нему, чтобы точно знать, чтобы в очередной раз убедиться — мне хорошо с ним.

Я попросила поцеловать меня — без слов, и он, поняв, сделал это, крепко прижимая к себе. А после, подхватив на руки, понес в номер, в живительное тепло.

А вечером уже Антон спросил меня, как бы между прочим, о чем я общалась с Кириллом-Кезоном. Естественно я все ему рассказала. За исключением того, конечно, что Нинке не повезло на встрече с Гектором — это уже только ее дело. Зная Кея, я могла с большой долей вероятности предположить, что он позлорадствует. А Нинка, хоть и не была образцом милосердия и прочих добродетелей, не заслуживала этого.

Мы сидели в номере за ужином. Мне захотелось еще большей романтики, и я решила создать соответствующий антураж. Нас окружил пьянящий полумрак, на круглом столике горели высокие свечи в медных канделябрах, и они перемигивались с огнями большого города, которые было отлично видно из панорамных окон. Играла приятная музыка — лирические баллады известного канадского испол-

нителя, которые Антон принял весьма благосклонно, хотя, по-моему, мои музыкальные предпочтения заставляли его улыбаться — так, как улыбаются настоящие гонщики Формулы-1, видя малышей с игрушечными пластиковыми спорткарами. С сервировкой я не заморачивалась — заказанный ужин красиво и аппетитно подали из ресторана гостиницы, откуда ужин, собственно, и заказывался. Между горящими свечами стояла тонкая хрупкая ваза с одинокой чудесной розой с кроваво-красными лепестками. Вообще-то я попросила Антона купить цветок — один, но он принес целый букет, и остальные цветы стояли на журнальном столике. Кроме того, он купил вино, клубнику и мороженое, как я просила, а еще сливки — по своему желанию.

— И зачем они мне? — не сразу поняла я.

Антон молча указал на губы. Вид у него был при этом такой, будто бы он открывал мне суть простейших вещей. И глаза блестящие. Было видно, что Тропинин что-то придумал.

Какие только у него в голове мысли бродят?..

Самые пошлые, вестимо!

— Вот сам и будешь их есть, — ответила я Антону на его жест.

— С тебя, — тотчас предположил он. А я, представив, как он выдавливая сливки мне куда-нибудь на ногу, а после задумчиво слизывает, пачкая нос и щеки, звонко рассмеялась. Картинка в моей голове была впечатляющая.

— Катя-Катя, — укоризненно сказал Тропинин. — Тебе бесполезно делать намеки.

— Намеки на что? — сощурилась я.

— На то, что ты сладкая, — улыбнувшись, как кот Базилио, сообщил Антон.

Не знаю почему, но теперь смеялись уже мы оба: я — смущенно, он — весело.

А еще, видя мои приготовления к романтическому ужину, Антон с насмешкой предлагал заказать много-много шампанского, наполнить им ванну, набросав сверху лепестки роз, и принять ее. Желательно вместе.

— Дорого выйдет, — отозвалась я, поправляя посуду на столе — ужин уже принесли.

— Я закажу самое дешевое шампанское, — пообещал насмешливо парень. — А цветы у нас уже есть.

— Ой, отстань, — махнула я рукой, оглядывая скептическим взглядом столик. Выглядело и правда романтично. — Антош, садись за стол. Все готово.

Он тотчас сел, перевернув стул задом наперед и положив руки на спинку, и окинул меня внимательным взглядом. Ухмыльнулся.

— Что? — не поняла я. И, не выдержав, погладила по плечу. Антон тотчас поймал мою руку — наши пальцы привычно переплелись. И слабый, едва ощутимый, но приятный ток прошел тело насквозь.

— А где твой выход, любовь моя? — проговорил он приглушенным тоном.

— Какой выход?

— Романтический. Ты же ходишь на пол-дэнс, малышка, покажи мне класс. Чему вас там учат?

— Вообще-то для этого нужен пилон, Антоша, — настаивательно проговорила я.

— Я могу стать твоим пилоном, — предложил он предельно серьезно, но я точно знала, что Тропинин шутит.

Вместо ответа я наклонилась и поцеловала его.

Стань просто моим.

Честно говоря, в полумраке ужинать было не слишком удобно. Я едва не уронила на себя стейк, перепутала тарелки, чуть не пролила вино, а об одну из свечек едва не спалила волосы, и я ругалась, злясь на то, что никак не получается создать романтический антураж. Еще в самый неожиданный момент вместо очередной лирической баллады раздались жуткий грохот барабанов, стоны бас-гитары и дикие душераздирающие вопли, которые Тропинин называл экстремальным вокалом. Антон завладел пультом и незаметно от меня изменил музыку, заставив вздрогнуть и уронить с вилки лист салата на колени — прямо на платье, то, в котором я ходила к «Лордам» на пресс-конференцию.

Тогда он и спросил про Кирилла. Словно невзначай.

— Ты его знаешь? Или просто ревнуешь, что я познакомилась еще с одним музыкантом? — спросила я с интересом, держа в руках бокал с вином. Его я пила мало, разбавляя водой и не пьянея. Пьянела я от Тропинина.

— Виделись раз, — не стал особо распространяться на эту тему Антон, и я удивилась, потому как Кирилл упоминал, что лично с ним не знаком. Однако ничего говорить не стала. — И да, детка, я не ревную, — самодовольно добавил мой парень.

Лицо у меня разочарованно вытянулось:

— Совсем, что ли?

Он усмехнулся и приподнял указательным пальцем мой подбородок для поцелуя.

В этот вечер Антон смеялся, обнимал меня, видя, как я злюсь, даже пытался сделать массаж. Казалось, он был счастлив. И я — тоже.

А про клубнику, мороженое и даже сливки мы совершенно забыли, поглощенные друг другом.

И уже потом, спустя несколько часов, лежа на кровати с разметавшимися по подушке волосами и слушая его едва слышное дыхание, я поняла, что с любимым человеком романтика — везде.

Впереди нас ждал рассвет.

Эти дни мы почти не спали, боясь, что можем потерять драгоценные минуты нашей встречи, но время все же неумолимо двигалось вперед, приближая часы расставания. Вечность оказалась мигом.

В третью, последнюю нашу ночь, после которой мы оба должны были сесть на самолеты, я словно пришла в себя, поняв, как мало нам осталось, и, к своему стыду, запаниковала.

Я лежала в постели, положив голову Антону на грудь, и от нахлынувших чувств в глазах появились непрошенные слезы.

— Что с тобой, Катя? — чуть приподнялся на локтях он. Тропинин очень четко ловил эмоции, и если к большинству людей был неприлично холоден, то ко мне был чуток. Даже признался как-то, что, когда я заплакала в парке — еще во время игры, — он чуть с ума не сошел.

— Если я заплачу, не пугайся, — попросила я тихо, вставая и садясь в кровати. — Просто... грустно стало.

— Не думай об этом, — сказал Антон, явно поняв причину моей грусти. — Я приеду еще. Ты можешь приехать ко мне.

— Все так сложно, — выдохнула я, уже ненавидя расставание.

— Все просто, — возразил он, сев рядом. — Катя, это ненадолго. И решаемо.

Он говорил спокойным мягким тоном профессионального психотерапевта, приводя вполне логичные доводы: расставание наше временное, мы имеем возможность общаться каждый день и встретимся снова — еще много раз.

Почему именно мы? Почему именно нас разделяет прощанье?

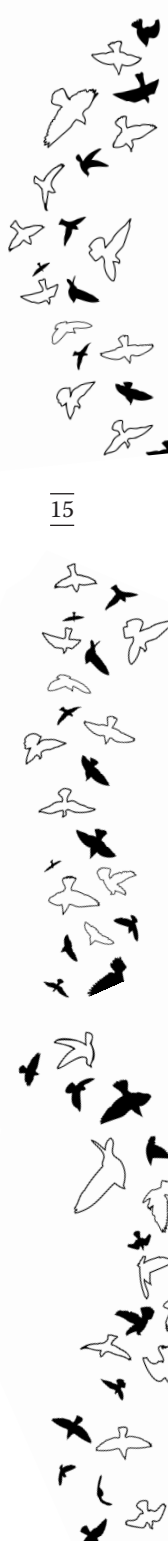
Хорошо, что не время.

— У каждого свои испытания, — словно прочтя мои мысли — в очередной раз! — сказал Антон, обнимая меня за плечи. — А счастлив тот, кто проходит их, девочка моя.

— Я знаю. Но... Как я раньше жила без тебя, — прошептала я, прижимаясь к нему.

— Думаю, плохо, — все также не страдал от недостатка самооценки Кейтон.

Наше прощание после столь бурной встречи казалось настоящей пыткой. С утра у меня жутко болела голова, говорить не хотелось, есть тоже не хотелось, вообще ничего не хотелось. Но нужно было собирать вещи и ехать в аэропорт.

У Антона настрой был ничуть не лучше, но мы оба старались делать вид, что все хорошо, дабы не портить одному настроению — это удавалось с трудом. Я улыбалась, он шутил. Однако из номера гостиницы, в которую мы больше никогда не вернемся, мы выходили молча, лишь изредка перекидываясь короткими фразами.

Больше всего было жалко оставлять букет роз, подаренных Антоном. Они так и остались стоять на журнальном столике — шикарные, алые как кровь, одинокие. У меня не поднялась рука выкинуть их, и я малодушно предпочла, чтобы от роз избавилась горничная.

Улетали мы из одного аэропорта — рейс Антона был на четыре часа позже моего. После регистрации он проводил меня до паспортного контроля, и мы долго стояли в обнимку, ничего не говоря и просто держась друг за друга.

Казалось, совсем недавно в душе пела весна, а теперь роняла свои золотые листья багряная, как разбитое сердце, осень. Прощанье — всегда боль. Поначалу — тяжелая, ноющая где-то глубоко в душе, а затем, когда уже приходит понимание неизбежности расставания, — острая, колющая, добивающая до конца.

Антон необыкновенно нежно и неспешно, словно наслаждаясь каждым мгновением, поцеловал меня в последний раз. Коснулся губами носа — как будто бы я была ребенком. Улыбнулся, держа мое лицо в своих ладонях.

— Все хорошо, — сказал он уверенным тоном Кея, в котором слышалась мягкость Антона.

— Конечно, все хорошо, — повторила я за ним, обманывая и его, и себя.

Что было хорошего в прощании?

Но верно говорят — перед смертью не надышишься. Нам все же пришлось сказать: «До свидания», и я одной из последних прошла паспортный контроль.

Во мне нашлись силы, чтобы улыбнуться Антону, обернувшись. И даже послать воздушный поцелуй. А он стоял и смотрел на меня, и я видела, как руки его сжимаются в кулаки.

В самолете я беззвучно плакала — не хотела этого, но слезы сами собой текли по щекам, и мне оставалось только утирать их, не реагируя на удивленные и сочувствующие взгляды людей, сидящих рядом.

Успокоилась я не сразу.

За иллюминатором безмолвно плыли обманчиво легкие облака — куски небесного мороженого, а на душе было тяжело, как будто к ней ржавыми гвоздями прибили железную пластину. Потом мы попали в зону турбулентности. Небо

посерело, тучи потемнели, набухли, и самолет стало потряхивать. Загорелся значок, предупреждающий, что нужно пристегнуть ремни, что мне и пришлось сделать.

За этими мыслями, под шум далекой грозы, которую мы облетали, я и уснула.

Приземлились мы без проблем, мягко, и я вместе со всеми вяло аплодировала пилотам, а после, получив багаж, села на рейсовый автобус и доехала до города. Настроение было хуже некуда. Хотелось бродить по шуршащей листве безлюдного парка, воткнув в уши наушники, слушать голос Антона, но из-за сумки я не могла этого сделать, а потому направилась сразу домой. Сообщения ни до Ниночки, ни до Кея не доходили.

Около подъезда меня окликнули, и я, обернувшись, увидела торчащего из окна своего крутого внедорожника Валерия. Он улыбался и махал рукой. Рядом с ним на переднем сиденье сидела Настя. Отношения их день ото дня становились все крепче и крепче, хотя эта парочка все время переругивалась и ссорилась по пустякам. И, подозреваю, потом точно так же бурно мирилась. Настя все время жаловалась, что Валерий не признается ни ей, ни ее родственникам, среди которых самой яркой фигурой была лучшая подруга Фроловны — Семеновна, что является наследником очень и очень богатого папы, причем наследником единственным. Валерий искренне считал, что Настя ни о чем не догадывается, притворяясь водителем обеспеченного босса. Та же, естественно, была в курсе финансового положения Валерия, однако делала вид, что ничего не знает, и только жаловалась мне. А Валерий столь нехитрым способом проверял Настю на чувства — что ей нужно: его деньги и положение или же он сам. На Кея насмотрелся, не иначе. Нинка, которая была в курсе, что за отношения завел ее бывший настырный поклонник, ухохатывалась и твердила, что «Бабе-яге пора в дурку на комплексное обследование и квалифицированную помощь специалистов». А Настю просто называла дурой — очень уж не любила с детства.

Судя по всему, сейчас парочка куда-то собралась — оба были пристегнуты. Однако, увидев меня, они вылезли из машины.

— Катька! Привет! — обняла меня Настя. Она загорела, что здорово оттеняло ее светлые глаза — они казались ярко-голубыми. Кажется, подруга как-то говорила, что они с Валерием полетят в Таиланд. — А мы только с моря вчера прилетели.

— Здравствуй, Катенька, — благосклонно приветствовал меня и Валерий. — Как там твой псих? — явно имел он в виду Антона. У них сложились весьма непростые отношения.

— У вас все хорошо? А то ты бледненькая какая-то, — всмотрелась в мое лицо Настя.

— Все хорошо, ребята, — улыбнулась я. — Я только с самолета. Устала немного.

Мы разговорились — хоть и жили дверь в дверь, но давно не виделись. Валерию понадобилась вода, и он пошел в магазин за углом, оставив нас вдвоем, и Настя, едва парень отошел от нас на приличное расстояние, заговорила взволнованно:

— А у нас скоро свадьба будет! Может быть, — добавила она и многозначительно хмыкнула.

— Свадьба? — искренне порадовалась я за подругу. — Здорово...

— Тише ты, — зажала мне рот ладонью подруга, оглянувшись. — Услышит еще. У Валеры не уши, локаторы.

Я улыбнулась. При мне так Валерия еще никто не называл. Только Бабой-ягой.

— В общем, он хочет мне сделать предложение, — поведала Настя, которая, как и я, еще полгода назад и не думала об отношениях. — Я подслушала его разговор с другом.

— Насть, поздравляю, — искренне сказала я. Мне и правда было радостно за этих двоих.

— Но тут есть проблема. Этот идиот так и не признается, что сыночек богатенького папочки, а все строит из себя водителя, — прошептала Настя и картинно смахнула пот со лба.

— Признается, — уверенно отозвалась я. Что в этом сложного?

— Но он и своему отцу не говорит ничего, — заговорила подруга. — Тот не знает, что Валера со мной встречается. Ну, и что жениться хочет. Ты же понимаешь, что богатые предки своих деток абы за кого не отдадут. Кому нужен мезальянс?

Я медленно кивнула. А ведь и верно. Родитель Валерия — человек далеко не бедный и, как я понимаю, властный. Разрешит ли он единственному сыну связать жизнь с Настей? Нет, она хорошая, верная, понимающая, хозяйственная и действительно любит Валерия, но... Есть ли его отцу до этого дело?

— И что вы будете делать? — спросила я.

— Не знаю, — вздохнула Настя. Глаза ее воинственно сверкнули. — Но я собираюсь за него бороться. И точка.

Знала бы я, что скоро мне придется повторить эти слова...

— Все будет хорошо, Насть, — коснулась я плеча подруги.

— Молчи, тихо, — в панике зашептала она. — Он идет.

И подруга стала громко и несколько наигранно обсуждать сплетни о соседях из тридцать пятой.

Валерий был столь любезен, что помог донести сумку до двери, хотя я просила его не делать этого, а после вместе с Настей они исчезли в лифте: оба веселые, загорелые, чем-то неуловимо по духу похожие друг на друга.

Если они женятся, я буду за них только счастлива.

Интересно, а у меня может быть свадьба?

С этими мыслями я попыталась найти ключи в сумке, но эта попытка была безуспешной, и я, плюнув на все, позвонила в дверь, за которой почему-то перестало орать мою любимое: «Убью, на хрен!» Раньше фраза звучала, когда включали свет в прихожей, теперь заменяла звонок — Томас долго не мог нормально подключить его, и ему решил помочь дядя Боря. Под его чутким руководством папа подсоединил провода. А дядя Боря потом долго хохотал. И ведь критик, бизнесмен, а ведет себя как ребенок.

Дверь мне открыла совершенно незнакомая, среднего роста крепкая девица в черной майке и шортах, поверх которых был накинут Лешин фартук. Выглядела девица эпатажно: короткие встрепанные волосы цвета воронова крыла, многочисленные проколы в ушах и один — в носу, а также татуировка на руке в виде какого-то мифического чудовища. Лицо ее было симпатично, но своеобразно: острый взгляд карих насмешливых глаз, тонкие губы, удлиненный нос. Она была похожа на хищницу.

— Вы кто? — спросила я, не испытывая особенного удивления. В нашей квартире кого только не бывало.

— Хозяйка, — ответила девушка. Голос ее был слегка грубоватым, что было под стать внешности.

— Чего? — закрались в мою душу нехорошие подозрения. Какая еще хозяйка?

Медной горы. Дай ей по лбу железной ложкой и гони в три шеи.

— А ты кто? — поинтересовалась «хозяйка». — А-а-а, — протянула она, — сестра? Что ж, проходи, сестра, — пригласила она меня в собственный дом. И я зашла.

— Сестра? — подняла я бровь, ставя сумку на пол. — Вы что, из церкви?

Вот только религиозных деятелей, зовущих всех подряд братьями и сестрами, мне в квартире не хватало. Не то чтобы я против — каждый верит во что хочет, но делать из дома молельню как-то не особо хотелось.

— Из церкви? — почесала затылок девица и расплылась в улыбке. — А, мне нравится твое чувство юмора, сестра. Я тут оладушек нажарила, хочешь? — спросила она меня добродушно. В квартире действительно вкусно пахло. — Думаю, вечером мясо с картошечкой сварганить, а то вы тут голодаете.

